

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 25-АПУ17-3СП

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

25 мая 2017 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе
председательствующего судьи Скрябина К.Е.,
судей Романовой Т.А., Кондратова П.Е.
при секретаре Мамейчике М.А.

рассмотрела в открытом судебном заседании в апелляционном порядке уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя Саенко И.В. и жалобе потерпевшей М [REDACTED] на приговор Астраханского областного суда от 20 марта 2017 г., по которому

Рылов А [REDACTED] и В [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]
[REDACTED] ранее судимый:

- 16 августа 2001 г. (с учётом внесённых изменений) по п. «в» ч.3 ст.162, пп. «ж», «з» ч.2 ст.105, ч.5 ст.33, ч.1 ст.105 пп. «а», «в», «г» ч.2 ст.158 УК РФ к 14 годам 8 месяцам лишения свободы, освобождён 24 июля 2015 г. по отбытии наказания;
- 15 июня 2016 г. (с учётом внесённых изменений) по ч.2 ст.162, ч.2 ст.162, ч.3 ст.162 УК РФ к 14 годам лишения свободы в исправительной колонии особого режима;

оправдан по обвинению в совершении преступлений,

предусмотренных:

- п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ на основании пп.2,4 ч.2 ст.302 УПК РФ в связи с непричастностью к совершению преступления;
- п. «в» ч.2 ст.158, ч.3 ст.30, п. «в» ч.3 ст.158 УК РФ на основании пп.1,4 ч.2 ст.302 УПК РФ в связи с отсутствием события преступлений;

Хаджаев А. М.

[REDACTED], ранее судимый:

- 3 августа 2006 г. (с учётом внесённых изменений) по ч.1 ст.105, п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ к 9 годам 3 месяцам лишения свободы, с заменой 5 декабря 2014 г. неотбытого наказания на 7 месяцев 17 дней исправительных работ, наказание отбыто;
- 15 июня 2016 г. (с учётом внесённых изменений) по ч.3 ст.162 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии особого режима;

осуждён по ст.316 УК РФ на 1 год 6 месяцев лишения свободы; на основании ч.5 ст.69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказания по настоящему приговору и приговору от 15 июня 2016 г. окончательно на 8 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима; он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п. «в» ч.3 ст.158 УК РФ, на основании чч.1,4 ч.2 ст.302 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления.

За Рыловым А.В. и Хаджаевым А.М. признано право на реабилитацию и им разъяснён порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием в соответствии с гл.18 УПК РФ,.

По делу разрешена судьба вещественных доказательств.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Романовой Т.А. о содержании приговора, существовании апелляционных представления и жалобы, возражений на них, выступления прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Аверкиевой В.А., а также потерпевшей М. [REDACTED] [REDACTED] (в режиме видеоконференц-связи), поддержавших доводы, изложенные в апелляционных представлении и жалобе, полагавших, что приговор подлежит отмене, мнения осуждённого Хаджаева А.М., оправданного Рылова А.В. (в режиме видеоконференц-связи) и их защитников - адвокатов Лунина Д.М. и Артёменко Л.Н., возражавших против удовлетворения апелляционных представления и жалобы, Судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

на основании вынесенного коллегией присяжных заседателей вердикта Хаджаев А.М. признан виновным в совершении заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления – убийства М [REDACTED]. Он же (Хаджаев А.М.) и Рылов А.В. оправданы по предъявленному обвинению в совершении группой лиц по предварительному сговору покушения на кражу имущества, принадлежащего М [REDACTED] в крупном размере, а Рылов также - в убийстве М [REDACTED] из корыстных побуждений, в тайном хищении его имущества в значительном размере.

В апелляционном представлении и дополнении к нему государственный обвинитель считает приговор в отношении Рылова и Хаджаева незаконным и просит его отменить, направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение. В обоснование ссылается на допущенные в ходе судебного разбирательства дела существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и на данные ими ответы, и выразились в том, что стороной защиты систематически нарушались требования ч.7 ст.335 УПК РФ и до сведения присяжных заседателей доводилась информация, не входящая в круг рассматриваемых ими вопросов; несмотря на предупреждение председательствующего судьи, подсудимый Рылов сообщал сведения о составе своей семьи и своём материальном положении, исключительно негативно характеризовал Хаджаева, отзывался о нём как об азартном игроке и сообщал о нахождении его вместе с ним в местах лишения свободы, называл «крысой»; личность Хаджаева также порочили в своих показаниях свидетели защиты П [REDACTED] и Ш [REDACTED]; это повлекло оценку личности Хаджаева как человека лживого и изворотливого, которому в отличие от «положительного семьянина и трудоголика» Рылова верить нельзя; в ходе допроса потерпевшей М [REDACTED], свидетелей К [REDACTED], П [REDACTED] и А [REDACTED] Рылов выяснял у последних обстоятельства, касающиеся процедуры сбора доказательств, ссылался на содержание неисследованных доказательств; при заявлении ходатайства об исследовании ранее данных М [REDACTED] показаний фактически изложил содержание полученного от неё объяснения, не имеющего доказательственного значения, обратился в прениях повторно к этим объяснениям и объяснениям М [REDACTED] которые не исследовались, ставил перед М [REDACTED] вопросы о процедуре её допроса следователем; интересовался у свидетелей, вызывали ли их в следственный комитет, а также когда их допрашивал следователь и по какому факту, показывал ли он им его (Рылова) фотографию; в показаниях утверждал, что следователь стал проверять его алиби только спустя 5 месяцев после того, как он о нём заявил, и из-за несвоевременного допроса свидетелей те его не вспомнили; этими и

другими подобного рода высказываниями формировал у присяжных заседателей отрицательное отношение к работе следственного органа, ставил под сомнение законность собранных доказательств; искажал содержание показаний свидетеля М [REDACTED] [REDACTED] и протокола осмотра места происшествия в части сведений о расцветке одежды, надетой на убитом, сообщал со ссылкой на доказательства множество других сведений, хотя таковые в судебном заседании фактически не исследовались, в ходе допросов не звучали и в материалах дела отсутствуют; в прениях выступил с разъяснениями положений закона, неверно трактуя их, заявил при этом, что показания Хаджаева являются косвенными доказательствами; адвокат Ашимов в нарушение положений ст.336 УПК РФ в речи в прениях предлагал присяжным задаться вопросами, смысл которых сводился к выяснению результативности деятельности сотрудников правоохранительных органов и следствия, упрекал их в ненадлежащем сборе доказательств, обсуждал, какие могли быть в деле доказательства, чем создавал у присяжных заседателей мнение о необъективности следствия, об умышленном сокрытии значимых обстоятельств, о незаинтересованности стороны обвинения в установлении истины по делу; председательствующий судья не во всех случаях прерывал выступавших участников стороны защиты, не соблюдал особенности судебного следствия, в ряде случаев реагировал на допускаемые нарушения, только когда на это обращалось внимание государственным обвинителем, что выглядело со стороны присяжных заседателей как излишняя и необоснованная придирчивость государственного обвинителя, не следил должным образом за содержанием информации, доводимой стороной защиты до сведения присяжных заседателей в прениях, не напомнил присяжным заседателям истинное содержание доказательств, искажённых Рыловым, ограничившись в напутственном слове лишь их перечислением; не предоставил потерпевшей право выступить с репликой, которая была к тому же лишена возможности участия в предварительном слушании дела вследствие несвоевременного извещения о времени и месте судебного заседания; допущенные Рыловым и его защитником нарушения, в отсутствие при этом должных мер со стороны председательствующего судьи, в результате не позволили присяжным заседателям из-за оказанного на них воздействия взвешенно оценить доказательства, о чём свидетельствует тот факт, что они дважды представляли судье вердикт, в котором отрицали сам факт лишения потерпевшего жизни, который не оспаривался даже сторонами; суд допустил в постановленном приговоре противоречия при описании деяния, совершённого Хаджаевым, указав на то, что он скрыл убийство, совершённое Рыловым, тогда как причастность последнего к лишению жизни М [REDACTED] не была доказана, сослался при назначении Хаджаеву наказания по совокупности преступлений на приговор от 15 июня 2006 г., который постановлен фактически 16 июня 2016 г.; с учётом совокупности допущенных в судебном заседании нарушений, которые являлись существенными и порочили недопустимым способом

представленные стороной обвинения доказательства, в отсутствие при этом должного реагирования со стороны председательствующего судьи, присяжные находились под незаконным влиянием и не имели возможности дать правильную оценку доказательствам и вынести объективный вердикт. В обоснование заявленных требований об отмене постановленного приговора, вследствие вынесенного незаконного и необоснованного вердикта были представлены документы, указывающие, по мнению государственного обвинителя, на сокрытие старшиной присяжных заседателей данных о знакомстве с осуждённым Рыловым;

потерпевшая М [REDACTED] просит отменить приговор в отношении Рылова и Хаджаева ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона и вернуть уголовное дело прокурору для предъявления Хаджаеву обвинения в более тяжком преступлении. Утверждает, что были нарушены её права как потерпевшей в ходе предварительного слушания дела, о времени и месте проведения которого она не была своевременно уведомлена, хотя желала в нём участвовать и именно тогда заявить ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для обвинения Хаджаева в убийстве; в судебном заседании судья не обеспечивал состязательность сторон и соблюдение закона, не пресекал действия Рылова, который умышленно искажал содержание доказательств, позволял ему задавать вопросы, направленные на дискредитацию личности её сына, в то же время делал ей замечания в прениях, что вызвало её растерянность и невозможность должным образом продолжить свою речь, не предложил ей выступить с репликой, а когда она попросила предоставить такое право, отказал, сославшись на пропуск ею соответствующей стадии.

Оправданный Рылов подал возражения, в которых, опровергая изложенные в представлении и жалобе доводы, считает, что оснований для отмены приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей, не имеется.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных представления и жалобы, возражений на них, Судебная коллегия находит приговор подлежащим отмене по основаниям, изложенным ниже.

В силу положений п.2 ст.389¹⁵ УПК РФ основанием отмены приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей, может служить существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Согласно ч. 1 ст. 389²⁵ УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его законного представителя и (или)

представителя из-за таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов.

Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определены ст. 335 УПК РФ, согласно требованиям которой в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Сторонам в ходе судебного следствия запрещено обсуждать вопросы, связанные с применением права, вопросы процессуального характера, в том числе о недопустимости доказательств, недостатках следствия, задавать наводящие вопросы, в какой-либо форме оценивать доказательства до прений, выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу лиц, ссылаться в обоснование своей позиции на не исследованные в присутствии присяжных заседателей или недопустимые доказательства.

Кроме того, по смыслу указанных статей, который им придаётся в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», стороны не имеют права исследовать в судебном заседании сведения, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении не только подсудимого, но и других участников процесса.

Указанные требования закона в соответствии со ст. 336 и 337 УПК РФ должны соблюдаться сторонами и в ходе судебных прений, при произнесении реплики и последнего слова.

Соблюдение установленной законом процедуры судопроизводства относится к прерогативе председательствующего судьи.

Между тем материалы уголовного дела свидетельствуют, что положения указанных норм уголовно-процессуального закона в ходе судебного разбирательства стороной защиты неоднократно и существенно нарушались, а принятые председательствующим судьёй меры не являлись достаточными для предотвращения этих нарушений и устранения их последствий.

Из протокола судебного заседания следует, что после допроса Хаджаева, показания которого являлись одним из ключевых доказательств стороны обвинения, все дальнейшие действия стороны защиты в лице Рылова и его адвоката, а также свидетелей, допрошенных по их инициативе, сводились к дискредитации личности Хаджаева, с целью поставить под сомнение достоверность данных им показаний. Так, помимо подробнейшего рассказа о сложившихся с Хаджаевым взаимоотношений во время отбывания наказания в местах лишения свободы, Рылов сообщал присяжным заседателям сведения о Хаджаеве как игроке, проигравшем принадлежащие ему (Рылову) и П [] деньги, характеризовал его как лицо, обманувшее не только его, но и сотрудников исправительной колонии, называл «крысой». На вопросы адвокатов свидетель Ш [] утверждал, что Хаджаев «подставил его брата», «присвоил деньги, которые ему не принадлежат, сказав, что их изъяли сотрудники колонии»; свидетель П [] утверждал, «что Хаджаев был должен обоим лагерям».

Во время допроса потерпевшей Рылов в поставленных перед ней вопросах, а в дальнейшем и в судебных прениях, ссылаясь на её и свидетеля М [] объяснения, не являющиеся доказательством по делу, в которых содержались отличные от их показаний данные о дате исчезновения их сына, что, соответственно, умаляло доказательственное значение их показаний, полученных в соответствии с нормами УПК РФ.

В ходе дачи показаний свидетелями К [], П [] А [] Рылов выяснял у последних обстоятельства их допроса следователем, вызывали ли их в следственный комитет, когда их допрашивал следователь, показывал ли он им его фотографию, описывал ли он ситуацию и сообщал ли причины, по которым проводит допрос, в один ли день А [] допрашивали с другими свидетелями, после чего, подытоживая результаты состоявшегося допроса указанных лиц, целенаправленно обратил внимание присяжных заседателей на то, что эти свидетели были допрошены только спустя 5 месяцев после того, как он о них заявил, и следователь умышленно не стал своевременно проверять этих свидетелей.

В развитие темы о ненадлежащем расследовании дела и проверке его алиби, Рылов при выступлении в прениях, зная в связи с замечаниями председательствующего судьи о недопустимости высказываний подобного характера, тем не менее вновь продолжил обсуждение вопроса о том, что его алиби следователь стал проверять только спустя более 5 месяцев, просил при этом присяжных заседателей принять во внимание, что если бы свидетели были допрошены вовремя, то они обязательно бы его (Рылова) вспомнили и подтвердили алиби, объяснял указанные действия следователя, тем, что последнего полностью устроила версия Хаджаева. При оценке избличающих его показаний Хаджаева, характеризуя их статус, Рылов дал

присяжным заседателям разъяснения о том, что им верить нельзя, так как они являются не прямым, а косвенным доказательством, при этом неверно толкуя понятия прямые и косвенные доказательства.

Созвучным позиции Рылова являлось выступление в прениях его адвоката Ашимова, который предлагал присяжным заседателям задаться вопросом об отсутствии в деле доказательств по делу, которые он перечислил, утверждал о том, что наличие таких доказательств в деле было невыгодно стороне обвинения, тем самым формируя у присяжных заседателей мнение о необъективности органов следствия при сборе доказательств, об умышленном сокрытии значимых для дела обстоятельств.

В ряде случаев Рыловым искажалось истинное содержание исследованных в судебном заседании доказательств, в частности протокола осмотра места происшествия, показаний свидетеля М [REDACTED] эксперта Д [REDACTED], детализации телефонных соединений. Приведённые государственным обвинителем в апелляционном представлении искажения соответствуют протоколу судебного заседания.

На основе анализа допущенных нарушений и обстоятельств, при которых они имели место, необходимо признать, что эти нарушения по своему характеру являлись существенными, поскольку Рыловым вместе с защитником сознательно, целенаправленно и акцентированно до сведения присяжных заседателей доводилась информация, не подлежащая выяснению в их присутствии, не связанная с исследуемыми фактами, касающаяся личности Хаджаева, процедуры допроса свидетелей, деятельности следственных органов, направленная на компрометацию недозволенным законом способом объективности ключевых показаний по делу, подрыв законности собранной доказательственной базы, причём в значимой для алиби Рылова части, что преследовало конечную цель - формирование неправильного восприятия присяжными сути происходящего, - и достигло желаемого, о чём могут, например, свидетельствовать изначальные ответы присяжных заседателей о недоказанности события преступления, по поводу чего между сторонами не имелось спора.

При этом принятые председательствующим судьёй меры, которые заключались, в основном, в прерывании выступления того или иного участника и даче присяжным заседателям разъяснений не принимать сказанное во внимание, были явно недостаточными и недейственными для ограждения коллегии присяжных заседателей от незаконного на них влияния.

Так, из протокола усматривается, что, реагируя в некоторых случаях на допущенные со стороны Рылова нарушения соответствующими замечаниями в его адрес, с дачей при этом присяжным заседателям необходимых

пояснений, председательствующий судья вместе с тем оставил без должного внимания вопросы Рылова свидетелям, направленные на выяснение процедуры их допроса в стадии следствия, чем в дальнейшем Рылов как раз обосновал своё утверждение о ненадлежащей деятельности следователя, по причине чего, по его мнению, он был незаконно обвинён. При выступлении в судебных прениях председательствующий судья позволил Рылову и его защитнику беспрепятственно сообщать присяжным заседателям информацию, порочащую деятельность следователя по сбору доказательств, и ставить таким образом под сомнение законность этих доказательств, не прервал их речь в соответствующей части, не обратился к присяжным заседателям с необходимыми разъяснениями.

В напутственном слове, говоря о замечаниях, которые были сделаны сторонам в ходе процесса по поводу допущенных ими нарушений, председательствующий судья вместо того чтобы напомнить присяжным заседателям о том, какая из доведённой до их сведения в результате этих нарушений информация не должна приниматься во внимание при вынесении вердикта, фактически свёл содержание своей речи к тому, что они не должны учитывать эмоциональное и психологическое состояние подсудимых, потерпевшей и свидетелей, и руководствоваться при даче ответов на вопросы вердикта жалостью либо эмоциями. Несмотря на обращение сторон в прениях к понятиям прямых и косвенных доказательств, в зависимости от чего присяжным заседателям предлагалось оценивать эти доказательства, а также в связи с неправильной трактовкой Рыловым в прениях этих понятий, причём применительно к оценке ключевых показаний, председательствующий судья не обратился к присяжным заседателям с разъяснениями того, что данная классификация доказательств не имеет определяющего значения в вопросе их оценки, либо напротив, не проинформировал их о том, что понимается в теории права под прямыми и косвенными доказательствами, чтобы в сложившейся ситуации это помогло присяжным заседателям, вне зависимости от позиции сторон, самостоятельно разобраться в доказательственной ценности исследованных доказательств и, соответственно, дать им правильную оценку.

При таком положении Судебная коллегия считает необходимым согласиться с убедительностью доводов апелляционных представления и жалобы о том, что оказанное незаконное и целенаправленное воздействие на присяжных заседателей не могло не повлиять на их мнение по делу и не отразиться на содержании данных ими ответов на поставленные вопросы при вынесении вердикта.

Основаны на материалах дела утверждения потерпевшей о несвоевременном извещении её о времени и месте проведения предварительного слушания дела, что соответственно лишило её

возможности участвовать на указанном этапе судопроизводства по делу и заявлять ходатайства, подлежащие разрешению в соответствии с гл. 34 УПК РФ в данной стадии, в частности, о возвращении уголовного дела прокурору для предъявления Хаджаеву обвинения в более тяжком преступлении, реализации чему в дальнейшем ей в определённой степени воспрепятствовал факт рассмотрения дела с участием коллегии присяжных заседателей, к прерогативе которых стала относиться оценка доказательств.

Допущенные нарушения особенностей разбирательства дела с участием присяжных заседателей являются существенными и влекут отмену постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей приговора с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение со стадии подготовки к судебному заседанию, что позволит обеспечить потерпевшей в полной мере реализовать предоставленные ею законом права на стадии предварительного слушания.

В свете представленной стороной обвинения информации о совместной трудовой деятельности оправданного Рылова и старшины коллегии присяжных заседателей М [] в [] таксомоторном парке - публичном акционерном обществе [] Рылова в период с 1999 г. по май 2000 года в качестве слесаря и старшины присяжных заседателей М [] - с 1993 г. по ноябрь 2012 года в должности исполнительного директора Судебная коллегия находит заслуживающими внимания доводы государственного обвинителя об имевших место нарушениях ч.3 ст.328 УПК РФ в ходе формирования коллегии присяжных заседателей. При выяснении председательствующим судьёй у кандидатов в присяжные заседатели вопроса о том, имеются ли среди них лица, которые знакомы с подсудимым Рыловым и другими перечисленными участниками процесса, кандидат в присяжные заседатели под № 19, не только вошедший в основной состав коллегии присяжных заседателей, но и ставший её старшиной, не сообщил сведений о совместной трудовой деятельности с Рыловым. При этом, как следует из материалов дела, в бытность М [] исполнителем директором Рылов в 2001 г. был осуждён за убийство водителя этого таксомоторного парка, а целый ряд его сотрудников проходил по делу в качестве свидетелей. Не заявил М [] об интересующих суд обстоятельствах также в дальнейшем и участвовал в вынесении вердикта по делу, что не может не вызвать разумные сомнения в объективности и законности вердикта, вынесенного коллегией присяжных заседателей, которой он руководил.

При новом рассмотрении дела суду необходимо создать условия для осуществления сторонами права на участие на всех этапах судопроизводства по делу, включая предварительное слушание, принять меры к выполнению закона, регламентирующего производство в суде с участием присяжных

заседателей, реализовав надлежащим образом принцип состязательности сторон и исключив незаконное влияние какой бы то ни было стороны на беспристрастность присяжных заседателей и процесс оценки ими доказательств.

В целях обеспечения нахождения в распоряжении суда осуждённого по другому делу Хаджаева, с учётом предъявленного ему обвинения в совершении тяжкого преступления, Судебная коллегия полагает необходимым оставить в отношении его прежнюю меру пресечения в виде заключения под стражу на срок, необходимый для принятия дела в производство суда и организации нового судебного рассмотрения.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 389²⁰, 389²⁵ и 389²⁸, 255 УПК РФ, Судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

приговор Астраханского областного суда от 20 марта 2017 г. в отношении Рылова А [] В [] и Хаджаева А [] М [] отменить и уголовное дело направить на новое судебное рассмотрение со стадии подготовки к судебному заседанию в тот же суд иным составом суда.

Меру пресечения в отношении Хаджаева А [] М [] оставить прежней - заключение под стражей, продлив срок содержания его под стражей до 25 августа 2017 г. включительно.

Председательствующий судья []

Судьи []